

Татьяна АБАКШИНА

СМЕРТЬ И ЛЕШИЙ

Философская сказка

— Ох, устала, ноги аж гудят. Да, нелёгкое это дело — дары людям разносить.

На первый взгляд обыкновенная баба стояла на опушке леса. Необычным разве что был чёрный, длинный до пят балахон да абсолютно белое лицо с глубоко запавшими глазами, в которых, казалось, поселились многовековая скорбь и мудрость. Но редко кто осмеливался заглянуть под чёрный капюшон, чтобы встретить взгляд этих усталых глаз. Люди бессознательно, на уровне инстинкта, сторонились её, боялись. Мало наберётся таких смельчаков, которые могли бы сказать: я смотрел в лицо Смерти. Ещё меньше тех, кто выдержал её взгляд, не лишившись при этом рассудка. Глаза Смерти — это бездна, в которую страшатся заглянуть самые отважные. Неведомое, что таится там, в глубине, заставляет в ужасе трепетать душу. Лишь малая часть людей сумели разглядеть во взгляде Смерти затаившуюся любовь.

— Да, передохну, пожалуй. Сил нет дальше брести.

Оглянувшись, за ивняком, под раскидистой елью, Смерть заметила большой замшелый пенёк. Лучшего места для отдыха было и не придумать. С трудом передвигая натруженные ноги, поволоклась в ту сторону. Моросил мелкий надоедливый дождь. Полы балахона намокли, липли к ногам, мешая идти. А под огромным деревом сухо. Еловые лапы шатром закрывают небо, не пропуская влагу.

Со вздохом облегчения Смерть уселась на пенёк, вытянув ноги. Ох, какое блаженство, после трудного пути вознаградить себя краткими минутами отдыха! Тем более, когда знаешь, что отдых этот заслуженный.

Но что это?! Пенёк, на который она села, мечтая о передышке, вдруг зашевелился, заворчал и сбросил её на землю. Такого поворота событий она никак не ожидала! Недоумённо поглядев на свой недавний стул, Смерть даже сплюнула с досады. Пенёк, который она облюбовала, оказался вовсе и не пнём, а Лешим.

— А чтоб тебе провалиться, нечисть! — с трудом поднимаясь с земли, с раздражением выкрикнула Смерть.

Леший, невысокий, широкий в кости, с косматыми бровями и бородой, ещё крепкий старик, ехидненько захихикал.

— Нет, ты погляди на неё! Мало того, что чуть не на макушку мне брякнулась своим тощим задом, так ещё на меня же и лаетса!

— Да как же на тебя не лаяться, шишка ты вылуценная, сморчок засохший! Не даёшь путнику отдохнуть спокойно, всё козни строишь.

Леший обиженно засопел, его лохматая борода цвета мха взъерошилась, стала, казалось, ещё больше, почти полностью укрыв невысокую коренастую фигуру.

— А шляются тут всякие по моему лесу, чтоб им пусто было.

— Да ладно, не сердчай, — Смерть кое-как отряхнула с балахона налипшую хвою. — Больно уж я устала сегодня. За болото ходила. Один дом там от деревни остался, жила в нём бабка Пурша, родней позабытая. Отнесла я ей дар. Теперь отмучилась родимая. Мне ещё сегодня в два места надо зайти. А всё-то по дождю, да без дороги, вот и вздумала отдохнуть маленько. А что это тебя-то чуть не в поле вынесло?

Леший потупился, даже слегка засмуцавшись.

— Понимаешь, ещё недавно на месте этого поля рос мой лес. Всего лет двести назад люди расчистили это место, вырубали деревья, выкорчевали пни, — при этих словах голос Лешего предательски задрожал, выдавая давнюю обиду и боль. — А что теперь? Ладно бы обихаживали землю как раньше, так ведь нет! Попользовались, все соки из земли вытянули и бросили. Который год всё бурьяном зарастает. Вот скажи ты мне, почто было мой лес губить?

В глазах Лешего росой сверкнула слезинка. Он ещё больше насупил брови, чтобы не показать своей слабости.

— Зря ты, Леший, на людей обижаешься. Людской век короток, а память и вовсе куцая, своих прадедов не помнят. Это для тебя два века будто сутки промелькнули, а для иных людей и год — вечность. Для ныне живущих тут всегда поле было, им кажет-

ся, что лес только сейчас стал дальше пробираться.

— Да, выпустил я вперёд своих разведчиков — осинок да ивушек, оне девушки глазастые, любопытные. Пущай повывсматривают, что к чему. Как только оне там попрививутся, так и остальной лес дальше пойдёт, — глаза Лешего потеплели. Он с любовью посмотрел вслед убежавшим в поле тоненьким деревцам. Но сам подойти к ним опасался, всё же он житель лесной, к открытому пространству не привыкший. — Ну, Смертушка, раз уж встретились, будь моей гостьей, отдохни в моём доме перед дальней дорогой. Пойдём, покажу тебе место, где укроют тебя от дождя и ветра мои старшенькие ели-лапушки. Не беспокойся, тут недалече.

Леший повёл свою гостью вглубь леса, по пути беззастенчиво хвастаясь, какую малину он вырастил на заброшенной людьми просеке. Сразу за просекой стояли в ряд большие, сильные ели, строго вззирающие на двух приближающихся путников. Почудилось, сейчас сурово спросят: «Кто такие? Чего надо?» Но, узнав хозяина, показалось, даже слегка расступились.

— Это мой дозор, — с гордостью сказал Леший. — Ежели кто с худым умыслом пожалует, уж оне, умницы, сообщат мне о том. А пока я не подоспею, сами постараются задержать злодея. А то дерево, что у самого поля, — рубежное. Совсем махонькой ёлочкой я его оставил на том месте, где остановил людей, не дал им дальше лес корчевать. Сейчас вон какое вымахало! Стоит это царь-дерево две сотни лет, открытое всем ветрам, бьёт его дождь, лущует вьюга. А оно знай себе ветками шумит, предупреждает: «Знай, всякая тварь, за мной начинается моя родина — лес, проявляй уважение, иначе — пожалеешь!» Да ведь и ёлка устать может, скрипит последние годы, жалуется. Ничего! Как только вернётся на своё место лес, кончится его вахта. Только тогда уж и на покой можно. Пусть молодняк заново землю обживает.

Смерть вслед за хозяином леса поднырнула под тяжёлые еловые лапы и очутилась в другом мире. Здесь было сумрачно, но безветренно и сухо. На земле лежал толстый ковёр из хвои и листьев. Было слышно, как по ту сторону деревьев рассерженно шипит дождь и стонет ветер, а под кронами вековых елей стояла патриархальная тишина. Правда, длилась она недолго. Завидев хозяина, две молодые белки спрыгнули с ветки ему на плечи и стали пронзительно верещать, стараясь перекричать одна другую. Та, что побойчее, спихнула соперницу с плеча Лешего, но она, падая, сумела вцепиться в бороду, что ещё больше раззадорило обеих.

— А ну, цыц! Ишь, растрещались, мокрохвостые! Хуже сорок, — Леший стряхнул с себя белок. Те, забыв о разногласиях, прижавшись друг к другу, примолкли. — После с вами разберусь. А сейчас принесите для моей гостьи угощение.

Белки в тот же миг исчезли.

— Ох, морока! Шишку они, видишь ли, не поделили, — пряча в бороде улыбку, ласково заворчал Леший.

Наконец, путники добрались до засохшего дерева причудливой формы, поразительно напоминающей трон. Кору на нём не было, древесина матово отсвечивала.

— Как видишь, в моём хозяйстве тебе, Смерть, места нет. К примеру, это высухшее дерево и теперь живёт, только иначе. Да, больше оно не пьёт сок земли и не тянет ветки к солнцу. Сейчас у него другая задача. Это дерево стало моим любимым местом для отдыха. Да ты сядь, сама почувствуешь, как здесь удобно. Получше всяких человеческих кресел будет, — Леший, стараясь быть галантным, помог Смерти устроиться на его «троне».

— Ох, и правда, благодать! — Смерть расслабленно прислонилась к сухому, гладкому стволу. — Только чего же ты, Леший, к опушке-то жмёшься? Неужели тебе в чаще отдохнуть негде?

— Вот уж верно про вас говорят: волос длинный, да ум короткий! Али запоматовала, что весь лес — мой дом? Али думаешь, что я в своём доме местечка для отдыха не найду? — Леший, стараясь выглядеть оскорблённым, с вызовом посмотрел на Смерть. Та, зная вспыльчивый, но отходчивый нрав собеседника, лишь грустно улыбнулась. Этой улыбки оказалось достаточно для того, чтобы успокоить разгневанного хозяина. — Здесь, понимаешь ли, догляду больше требуется. Без хозяйского глаза никак нельзя. Да что мы всё обо мне разговариваем? Ты-то как? Давненько уж тебя не видал.

Леший прилёг на услужливо протянутую деревом еловую лапу. Удобно устроившись, как в гамаке, продолжил:

— Раньше-то чаще встречались.

— Так ведь раньше все деревни и сёла в округе заселены были. В каждом доме большая семья жила, — собеседница вздохнула, — а сейчас от иных деревень уж и следа нет. Ушли люди с насиженных мест, разбрелись по свету. А я вот хожу, остатки подбираю, забытых родней стариков навещаю.

— Да, теперь ежели только какие туристы сюда наведаются, — Леший тоже тяжело

вздыхнул. Хотя и не любил он людей, больно с ними хлопотно, но и без них никак нельзя. Ведь он существует, пока в него хотя бы один человек верит. Не будет человека — не будет веры, а значит, и его, хозяина леса, тоже не будет. — Так я тебя, кажись, в последний-то раз лет пять назад и видал. Это когда у меня девчушка маленькая заплутала.

— А уж не ты ли её в чащу заманил? — любопытствовала Смерть.

Леший взъерошился, как рассерженный кот. Маленькие глазки из-под густых бровей царапнули. Смерть примирительно улыбнулась, развела руками, мол, извини, не хотела обидеть.

— Вот взяли моду, чуть что случись, Леший виноват! Да ежели кто ко мне с добром идёт, да не безобразничает, так я ведь ни грибов, ни ягод не пожалею для него. Ежели дров надо, тоже дам. Я хоть и люблю все свои деревья, даже самое корявое и больное деревце, понимаю, что лес иногда надо чистить. Молоднику нужен свет и простор, иначе зачахнет.

Леший успокоился, огладил бороду. Старая ель, заботливо склонясь, нежно его укачивала.

— Нет, я не отрицаю, бывает, пошалою иногда, — в глазах лесного хозяина вспыхнуло озорство, — повожу по кругу, попугаю, но редко. Чаше люди сами виноваты. Забыли они, что всё, что их окружает, — земля, лес, звери, реки — всё живое, всё умеет чувствовать и помнить. Ведь предки их, даже когда охотились, убивая зверя, уважали его. Да и брали они ровно столько, сколько нужно для жизни, а не забавы ради, как сейчас.

— Так что там случилось с той девчушкой? Ты так и не рассказал, — чувствуя, что сетовать на людское вероломство Леший может бесконечно, спросила Смерть.

— В том, что тогда случилось, я не виноват. Я с этим робёнком три дня вошкался. И ягодами её накормил, и родник ей открыл, даже комаров отогнал. Деревца её ветками от непогоды укрывали. Да ведь я же не нянька! У меня своих дел полно. Как раз в ту пору беда случилась — пожар. Вёрст семь отсюда. Мне же надо было зверьё успокоить да подальше от пожара увести. Родники кое-где открыл, чтобы огонь не пропустить. Дел много. Вот и пришлось её одну оставить.

— А как она одна в лесу оказалась?

— Родители привезли, — Леший скорчил презрительную гримасу: — Туристы. Тут недалеко лесная речка бежит, вот они и устроились на берегу отдыхать. Поставили палатку, весь день пили, ели да песни орали. А малой с ими скучно стало, вот она в лес и убрела. А энти только утром её хватились. Крик подняли, — Леший потёр ухо, словно этот крик до сих пор его оглушал. — А девчушке лет шесть от роду, обратно самой дорогу не найти.

— А что же ты родителей к ней не привёл? — Смерть с интересом разглядывала лесовика.

— Да что ж, я их за руку поведу? Следов робёнок оставил столько, что и слепой бы увидел. Но эти, её родители, то ли не захотели увидеть, то ли пелена у них на глазах какая-то... Утром-то она ещё недалеко от их была. А потом увидел я, как они снова вино пьют да хмелеют, увёл девчушку в чащу от их шальных криков. Смешная она была, ласковая. Дедушкой меня называла. Не утерпел я, показался ей. А она не испугалась. Подбежала ко мне, кричит: «Дедушка, меня комарики кусают!»

Леший закашлялся, сел, сторбившись. Было видно, как он это ни скрывал, что его одолевает печаль.

— А когда пришлось её одну без присмотра оставить, она, егоза, в старый овраг упала. Там раньше ручей бежал. Вода давно ушла, а камни острые остались. Она головой об камень и стукнулась. Ну не мог я с ней остаться, и с собой взять тоже никак нельзя было. Да и вообще, не резон мне соваться в людские дела. Если уж родителям она не нужна была, так с меня-то какой спрос? Вот ты её и прибрала. Жаль, хорошая девчушка.

— То не я была. Сестрица моя её душу из тела выпустила.

— Вон оно что! А я издала и не распознал. Видал только, что в чёрном балахоне. И много ли у тебя сестёр? — заинтересовался Леший.

— Много. Некоторых из них люди называют: Быстрая, Внезапная, Долгая, Страшная, Лёгкая. Ещё есть у нас сестреница — Нелепая.

— А ты какая же?

— А я — Тихая. Всё больше к старикам хожу, молодым редко дар ношу. А у той девчоночки ангел-хранитель, видать, ещё слабый был. Мне сестреница рассказала, что девочку покрестили только за неделю до этой поездки. И никто после крестин ни за неё, ни за родителей её непутёвых ни разу не помолился. Даже ангел-хранитель в одиночку не справится.

— Это что же получается, у каждого человека свой ангел есть?

— Ну, ты и вопросы задаёшь! Будто ты и не Леший вовсе, а дитя неразумное, —

всплеснула руками Смерть.

Леший, обиженно насупись, буркнул:

— Я в людские дела не лезу. Уж и спросить нельзя.

— Ладно, не пыхти как ёж, — Смерть прижала руки к груди. — Я думала, ты знаешь, что к каждому человеку, прошедшему обряд крещения, свой ангел-хранитель приставлен. И не важно, в младенчестве человека покрестили или он принял веру, будучи уже взрослым. После обряда ангел неотступно по жизни со своим подопечным следует. Предостерегает, от бед спасает, следит, чтобы душу свою человек не загубил. На то он и хранитель. Ну, и сам человек должен достойно жить. Если сам душу светлой не сохранишь, то и десяток ангелов не поможет.

— Значит, ангелу помогает только молитва? — Леший сидел на еловой лапе, болтая в воздухе ногами, как ребёнок.

— Нет, не только, — терпеливо растолковывала любопытному слушателю Смерть.

— Добрые слова, добрые поступки, даже улыбки — всё в помощь. Я встречала таких измотанных, изломанных своей нелёгкой ношей ангелов-хранителей, что хотелось им отдать свой дар избавления. Но не могу это сделать. Видно, они в одиночку бились против напастей и пороков за эту душу.

— Ну, а как же самоубийцы? Куда их ангелы глядели? Помню, как-то в один год у меня в осиннике двое удавились.

— Ох, про них даже говорить не хочу! Ведь когда человек умирает, когда приходит его срок, не нами отмеренный, ангел-хранитель передаёт душу ангелу смерти, мне то есть. А я уж отправляю её на суд божий. А когда человек сам себя жизни лишает, ангел смерти не успевает его душу подхватить. Мы только к назначенному сроку приходим, не раньше. Вот и получается, что такая душа бесприютной остаётся, мается бедная. Да и ангелу-хранителю приходится ответ перед богом держать за то, что не смог уберечь. Ой, не хочу про них больше говорить, — Смерть досадливо поморщилась.

— Ладно, ладно. Не будем больше о них, — видя, как расстроилась его гостя, примирительно замаха руками Леший, — ты мне растолкуй тогда, а как же с убийцами-то быть? Это что же получается, они вместо тебя дар приносят?

Смерть устало вздохнула, внимательно посмотрела на Лешего. Уж не смеётся ли он над ней? Но хозяин леса имел такой наивно-трогательный вид и с такой детской доверчивостью ждал ответа, что Смерть невольно улыбнулась.

— Никто из людей дар избавления принести не может. Не дано это человеку. Душа убиенного какое-то время остаётся в том месте, где рассталась с телом, под присмотром ангела-хранителя. Он призывает ангела смерти, который и забирает душу.

— А с убийцей-то что делается? Почто ты и его душу сразу на суд не забираешь? — не мог угомониться Леший.

— Ох, морока с тобой. Не любишь ты людей, сразу видно.

— А за что их любить? Одни неприятности от них. Я лес люблю. Мои ёлки друг дружке козни не строят, не то что твои человеки.

— Ох, и дремучий ты, как твой лес! Люди ведь и радость нести могут, не только горе. Бог даёт человеку, даже совершившему страшный грех, время раскаяться, спасти душу, загладить вину. А убийце вдвойне тяжело. Ведь на его душе не только свои грехи, но и грехи того человека, которого он жизни лишил.

— Значит, убийца будет держать ответ перед богом не только за свои поступки, но и за грехи убиенного? — Леший недоверчиво покрутил головой.

— Значит, так. Ведь тот, кто стал жертвой, не прожил тот срок, что был ему отведён. Если один человек лишает другого возможности раскаяться, то пусть сам и за себя, и за него молит о прощении. Ну, ладно. Заболталась я с тобой. Спасибо за гостеприимство, но пора и честь знать.

Смерть, опираясь на руку подскочившего к ней Лешего, выбралась из расслабляющих объятий деревянного трона. С удовольствием, разминаясь, потянулась. Белки, которые всё это время, оказывается, тихо сидели среди веток, спрыгнули на землю и положили к ногам гостя свёрток. В большой лопух были завернуты ягоды спелой, ароматной малины.

— Ох, баловницы, я уж про вас и забыл. Вас только за смертью посылать, — первым захихикав, ворчал Леший. — Вот возьми, гостыюшка, гостинец. Ты на моих белок не серчай. Она ещё маленькие, никого кроме меня не видывали, боялись подойти.

Смерть поблагодарила хозяина, взяла ягоды. Леший пошёл провожать гостью. Расстались они у рубежного дерева. Смерть отправилась своим путём. Где-то там, за подем, в маленькой деревеньке ждал её очередной ангел-хранитель, для того чтобы передать ей душу человека, с которым он провёл на земле не один десяток лет.

КАК ВЫГОНЯЛИ ОДИНОЧЕСТВО

Сказка-притча

На краю деревни в сырой низинке стоял неказистый домишко. Не бежала к нему ни одна тропиночка. Дом по самую крышу зарос злой крапивой. Но ошибался тот, кто думал, что дом остался без хозяина. Иногда в сырые ненастные дни вился над прохудившейся крышей жидкий дымок. А то вдруг шевельнётся занавеска на маленьком окошке. Но по всему было видно, что обитатели деревни обходят этот дом стороной. Не ходят сюда весёлые гости, не забегают соседи посудачить. Даже любопытные дети не протоптали здесь своих дорожек. Потому как обитало в этом доме очень Одинокое Одиночество. Даже Горе Горькое захаживали проводить то Доброта Милосердовна, полная седовласая старушка, то Участие. А уж Сочувствие так и вовсе у него поселилось. Но к Одиночеству никто — ни ногой.

Наверное, стоит рассказать об этой деревне поподробнее. Дело в том, что жили в ней не люди, а их чувства и эмоции. Если зайти в деревню со стороны поля по широкой песчаной дороге, то первым встречает маленький серый, но опрятный домик, в котором живёт Скромность. По соседству расположилась хибарка, в которой ютится Честность со своей старенькой мамой Совестью. Жилище их, латай не латай, того и гляди развалится. А из родни одна Нужда только и заглядывает. Да и та, старуха немощная, чем поможет? Так и живут, перебиваясь с хлеба на воду. Повздыхает иной раз Честность, посетует на свою жизнь соседке Скромности, да и дальше потихоньку живёт. Но если нагрянет к ней в гости Смелость, тут уж ей никто не указ! Таких дел натворит, что потом месяц на улице носа не кажет. Бойтся. А Совесть что сделает? Защищает своё дитя, как может, да кто же её послушает?

Посреди деревни стоит огромный, с резными наличниками дом. Живёт там большая семья: Счастье, Радость, Смех, Веселье... А сколько ещё гостей собирается! Даже в таком большом доме все едва умещаются. Иной раз столько их соберётся, что двое, а то и трое идут ночевать к сёстрам Слезам. Они живут, напротив, через дорогу.

Много в той деревне жителей, всех и не упомнишь. Вот в таком месте и жило очень Одинокое Одиночество. Была, правда, и у него родня — Безразличие, да что с него взять? А друзей у Одиночества сроду не бывало. Никто не мог с ним рядом долго находиться. Веяло от него таким холодом, что замерзло всё внутри. Даже Доброта Милосердовна не смогла растопить лёд, которым сковывало Одиночество. Так от него все и отступились. Никто не заходил к нему. А если вдруг Одиночество выходило погулять по деревне, никто не звал его в гости, да и вообще на порог не пускали. Боялись, что уйдёт тепло и заполнится родной дом стужей. А вслед за Одиночеством и родственничек его непутёвый — Безразличие подтянется. Лучше уж вовсе не рисковать. Пусть лучше Одиночество остаётся одиноким.

Правда, был случай, когда и ему были почти рады. Однажды в деревне поднялся шум. Бегали ребятишки Наивность, Доверчивость и Непосредственность, смеялись, кричали:

— Горе «горькую» пьёт! Горе мыкает! Ничего сказать больше не может! Только «мы-да-мы» и слышно, остальное не разобрать. До того Горе огорчилось, что разговаривать разучилось!

Отправилось Одиночество к домику Горя посмотреть, разведать, что там на самом деле происходит, да так там и загостило. Даже Сочувствие ушло из дома Горя, не могло уговорить не пить «горькую». Целую неделю гостило Одиночество в домике Горя. Радовалось тому, что и оно не такое уж одинокое, кому-то и оно бывает нужно. Ни на шаг не отходило от хозяина, приговаривая: «Ох, ты, Горюшко ты моё, друг единственный. Давай выпьем «горькой» за нас с тобой! Никто нам больше не нужен. Вот разве что братец мой Безразличие обещался зайти. Будем втроём жизнь коротать».

Почернело Горе от жизни такой. По деревне слухи поползли: пропадает Горе, со всем его выморозит Одиночество. Из дома в дом шныряла сухая востроносая бабёнка — Любопытство. Всё вынюхивала, где, что про Горе рассказывают. Забежала как-то к Зависти. Плонулась на лавку и отдышаться не может:

— Ой, батюшко, дай водички попить, в горле пересохло. Ноги того и гляди отвалятся, уж так устала. Всю деревню оббежала, а ведь не двадцать годков-то чай.

— Да уж было бы кому жаловаться! Всё как молодая носишься. Даст же Бог ревности некоторым, не то что мне.

Зависть, грузный неопрятный старик, продолжая ворчать, всё же налил стакан воды подружке.

— Ну, что нового разузнала? Рассказывай.
— Ой, братец, вся деревня Горе жалеет, говорят, спасать его от Одиночества надо. Сочувствие в доме у Слёз днюет и ночует. Доброта Милосердовна всех собирает, хочет выгнать Одиночество из дома Горя.

Лицо Зависти налилось тяжёлой кровью от такой несправедливости:

— Нет, ну ты подумай! Вот за что ему столько внимания! Вся деревня его жалеет. Меня бы лучше пожалели! Чем я хуже?

— Успокойся, братец, Вон как раздулся, того и гляди лопнешь.

— Конечно, сама худая как палка, сроду не лопнешь. Хорошо тебе. Ну да ладно. Объясни лучше, как это такая история с Горем приключилась? Всех уж ты обошла, а к нам неделю носа не показывала. Все всё знают, одним нам с Жадностью ничего толком неведомо.

— Прости, некогда всё было. Ну, слушай. Пошло Горе неделю назад погулять ночью. Не спалось ему. А ведь знает, что ночью одному лучше не ходить: пошаливают на улице лихие ребята. Вот он и встретился в тёмном переулке с Предательством и Подлостью. Днём-то они редко на улицу выбираются, всё больше в доме Безразличия отсиживаются. Побаиваются, не любят их в деревне. Ежели только когда с Наглостью споятся, и среди бела дня гоголем ходят. Только знаешь ведь, Наглость сегодня с одним, завтра с другим дружбу водит. Так что они больше по ночам орудуют. Вот после той встречи Горе и подружилось сначала с «горькой», а после и с Одиночеством. Теперь хотят решением общего собрания выселить Одиночество из деревни. Говорят — плохо на всех влияет. Дом его Уединению отдать, мол, оно нужное и даже полезное. А дома своего до сих пор не имеет. То у Скромности живёт, то у сестрениц Слёз, то ещё где устроится.

Зависть так треснул кулаком по столу, что Любопытство аж подпрыгнула.

— Куда Справедливость смотрит? Дома раздают непонятно кому, а я должен доволствоваться одним этим сарайчиком!

— Полно, Зависть, успокойся! Твой дом больше, чем у семьи Счастья. Их там семеро по лавкам, и всем места хватает, а вы с женой Жадностью одни в таком домине живёте, и то ноете. Да и зачем тебе второй дом?

— Не нужен, а всё равно обидно. Почему дают кому-то, а не мне?

В деревне зазвонил колокол. Его басовитый гул проникал в каждый дом.

— Вот и на собрание зовут. Пора бежать, надо узнать, чего там наreshают. Ты пойдёшь?

— Сейчас Жадность вернётся и подойдёт.

На поляне возле речки, где проходили все общие собрания, присутствовали уже почти все жители деревни. Стоял невероятный шум, гам. Дети носились, визжали, играли в пятнашки. Решительность, размахивая кулаками, с пеной у рта, доказывал, что выселять надо не только Одиночество, но и Горе. Ему тихо, но настойчиво возражала Справедливость, интеллигентная дама в очках:

— Горю могут помочь Участие и Доброта Милосердовна. Поможет и Сочувствие. Только нужно избавить его от Одиночества. Давайте голосованием решим, выселять Одиночество или нет.

Пошумев, ещё немного поспорив, все пришли к единому мнению: выселить Одиночество из деревни, чтобы никому больше оно не могло внушить мысль о своей ненужности и никчёмности. А освободившийся домик отдать Уединению, должен и у него быть свой угол.

Собрание закончилось, жители потянулись к своим домам. Позади всех, опираясь на палочку, медленно брела старенькая Совесть. Улыбаясь, тихо бормотала себе под нос:

— Ну, слава Богу, хоть что-то делать начали. Так, глядишь, до Предательства и Подлости доберёмся.

С тех пор так и скитается очень Одинокое Одиночество. Бывает, что найдёт себе приют в каком-нибудь доме. Только недолго везде гостится, отовсюду гонят. Больно уж холодно с ним.

ПОСАДИЛ ДЕД СВЁКЛУ

Сказка-шутка

Посадила дед свёклу. Выросла свёкла большая, красивая. Ботва у неё густая, сама — круглая, ладная. Очень Дед был доволен, а вот Бабка не разделяла его восторга. Да и чем тут восторгаться, скажите на милость! У Деда на уме только его любимая свёкла, а семья и дом страдали от недостатка внимания. К тому же хватало наглости у Деда заявлять Бабке, что, мол, она человек тёмный и понять того не способна, что свёкла является культурой, а она (Бабка) совсем даже наоборот — существо некультурное и вредное.

Проснулась как-то Бабка рано утром, глянула, а Деда уж и след простыл.

— Опять свою свёклу обихаживает! Вот уж я тебе сейчас культурный канал-то выключу!

Подхватила Бабка да в огород побежала. И что бы вы думали? Точно, как и предполагала Бабка — Дед за свёклой ухаживает! И так ей обидно стало — за какой-то редиской переросшей он с утра до ночи ухаживает, а когда последний раз за родной женой ухаживал, уж и не вспомнит никто.

Характером Бабка отличалась вспыльчивым, нравом крутым. Схватила она первое, что под руку попало, а в тот день первым в очереди был черенок от лопаты, выкрикнула боевой клич и понеслась к Деду. Уж была она Деда, была, а тот знай уворачивается, так что пришлось Бабке своего благоверного ещё вокруг бани погонять. Ну, женщину понять можно, она за своё счастье боролась.

Внучка проснулась от звуков локальной огородной битвы. Опять воюют, мелькнула в голове мысль, надо где-то переждать бурю. Не стоит попадать Бабке под горячую руку. Она быстро оделась, схватила красную шапку и вчерашний пирожок и сиганула в окно. Под окном стояла открытая пустая бочка. Внучка аккуратно в неё и угодила. Бочка от удара завалилась на бок и покатила к калитке. С грохотом распахнув калитку, бочка весело заскакала под уклон по кочкам в сторону леса.

Долго ли, коротко ли продолжалось это путешествие, но всё когда-то заканчивается. Бочка не разминулась с деревом (или дерево с бочкой, кто их разберёт), остановилась. Надо сказать, для парковки была выбрана симпатичная полянка. На полянке стоял очень растерянный Волк.

Внучка с трудом выбралась из своего нечаянного средства передвижения. Голова кружилась, перед глазами плавали круги.

— Уфф, докатилась! — попыталась встать.

— Куда молодёжь катится? — пробормотал озадаченный Волк. Он сделал круглые выразительные глаза.

— Диоген! — выдохнула Лиса, которая шныряла неподалёку.

Лиса в лесу считалась дамой образованной, всё же, считай, всю молодость провела в школьном живом уголке. У неё, поговаривают, даже личный кабинет был, хотя завистники утверждают, что то был не кабинет вовсе, а клетка.

Внучка, заметив краем глаза какое-то шевеление на поляне, попыталась сосредоточиться. У неё получилось сфокусировать взгляд. Перед ней стоял огромный серый волчище. Внучка с перепугу, или ещё по какой причине, грянула басом во всю мощь своей глотки: «Эй, дубинушка, ухнем!» А надо заметить, бас у неё с прошлой зимы был знатный.

Зимой, на рыбалке, Внучка изволила простудиться. Дед, мудрый человек, предостерегал: «Промочишь ноги — откажет горло, промочишь горло — откажут ноги». Так вот, её в тот раз угораздило промочить ноги, а лучше бы наоборот сделала. После недели болей в горле и молчания Внучка заговорила густым, представительным басом.

Волк, недолго порезонировав в звуковой волне, впал в ступор. К выразительным глазам добавился высунутый прикушенный язык, и волчья морда приобрела законченный вид.

— Наш Шаляпин! — прижав к груди лапки, шёпотом восхищалась Лиса.

Внучка, заметив, что Волк не подаёт признаков какой-либо активности, поднялась на ноги, прислонилась к дикой яблоньке. Но яблонька оказалась абсолютно дикой и тут же отжала у Внучки красную шапку, вцепившись в яркую вещь колючими ветками.

Внучка, всё ещё пошатываясь, решив не связываться с яблонькой и оставив ей свою шапку, добралась до берёзы. Обняв мирное дерево, Внучка решила внимательно осмотреться. Волк, охваченный столбняком, стоял как истукан.

— Хорошая статуя получилась, — Внучка удовлетворённо хмыкнула. — Эх, волк, волчок, а что это у тебя в лапах за серенький бачок? Очень похож на тот, который Баб-

ка пару дней назад потеряла. Отхватили мы тогда с Дедом от Бабки лещей, килограмм пять на каждого досталось. Бабка нас обвинила в утрате бачка, а оно вон оно как, оказывается.

Внучка решительно подошла к Волку, выдернула из лап непорядочного животного семейное имущество. Ибо не для того добро наживается, чтобы его всякая скотина по лесу таскала. Внучка подошла к бочке, подняв с земли камушек, нацарапала на боку бочки три звёздочки, рассудив, что скорость у неё приличная, а вот сервис никакой, поэтому до пяти звёзд сие средство передвижения не дотягивает.

Внучка, оценив ситуацию с Волком, поняв всю мощь своего дара, решила, что данный ей голос надо использовать с пользой. Чего она до сих пор, как пещерный человек, честное слово, на рыбалку снасти берёт, когда такой голосина зазря пропадает. Рыбу им глушить — самое то дело. Вон Волка как уделала одной строчкой из песни.

Гремя бачком, Внучка направилась вглубь леса, к озеру. Решив, что воспроизводимого ею шума будет мало (мало ли ещё какая животина решит на неё напасть, лес кругом как-никак), Внучка начала громко декламировать стихи. Лиса, не покидая безопасное убежище, взглядом провожала Внучку. А над лесом буйствовала поэзия:

*Быть может, я для вас в гробу меряю,
Но должен заявить, в конце кони:
Я, вопреки всем мнениям глупцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю.*

Если память Внучку иногда и подводила (ну забывал человек строчку-другую в стихотворении, но заметьте, как удачно она заменяла забытое своими словами), то голос подвести не мог. Голос гудел как труба судного дня, привлекая в ряды любителей поэзии всех обитателей леса, даже тех, кто этому противился.

— Наш рупор просвещения! Даёшь культуру в массы! — размахивая лапками, ликовала в кустах лесная интеллигенция в рыжей шубе.

Лиса, выждав минут пятнадцать, вышла на поляну. Сделав беглый осмотр Волка, пришла к выводу, что его здоровью ничего не угрожает, повалится маленько, да и придёт в себя. Лиса подошла к яблоньке, отобрала у неё шапку (ну, что в самом деле за дикость такая, головные уборы у прохожих отнимать), подняла чёрствый, забытый Внучкой, пирожок. «Отнесу я эти вещи Бабке с Дедом, — подумала Лиса, — Они люди похилые, им волноваться не стоит».

Лиса вспомнила свою славную юность, пионеров и решила, что пора восстанавливать духовность в своём Отечестве. Если не мы, то кто же? С этим девизом Лиса, размахивая шапкой как флагом, направилась в сторону деревни.

Когда до деревни осталось всего ничего, Лиса, окрылённая своей миссией борьбы с бездуховностью, подумала, что без подарка идти в гости как-то неудобно. Она подошла к осине, вежливо постучала по дереву. Ворона, жившая на этом дереве, прекрасно видела Лису, но решила сделать вид, что никого нет дома. Лиса настойчивее постучалась и спросила:

- Есть кто дома?
- Нет никого, — произвольно ответила Ворона.
- А почему тогда свет горит?
- Сейчас выключу, — Ворона шевельнулась и тем себя выдала.
- Ворона, подруженька, а чего же ты мне сказала, что дома никого нет?
- А то не я была.

«Это у меня дом умный, а я нет», — подумала Ворона, но вслух сказала:

— Видно, настройки сбились. А ты какими судьбами, Лисонька?

— Да вот решила Бабке пирожок отнести. У меня и шапка красная есть. Только вот подумала, что же это я один пирожок принесу, дай, думаю, у Вороны сыра кусочек попрошу. Знаю, что ты мне, подруженька, не откажешь. Тебе ведь недавно из-за горы целую голову сыра послали.

«А чтоб ты провалилась, подруженька», — подумала Ворона, но вслух сказала:

— Так уж конечно я тебе, Лисонька, не откажу. Сейчас кусочек отрежу.

Ворона из своего дома смотрела, как удаляется Лиса, думала, что всё же пора ей перебираться к родственникам за гору. В глазах Вороны стояла вся скорбь её народа.

Когда Лиса подошла к дому стариков, на забор взлетел местами ошипанный петух. Он, вытянув шею, заорал что есть мочи:

— Эге-гей, кукареку! Царствуй лёжа на боку!

У Лисы от такого приветствия в ушах зазвенело. Морщась, она всё же тоже решила поздороваться:

— Ну, здравствуй. Здравствуй, Лёша из Баку. Что же ты кричишь-то так, джигит?

Петух в недоумении рассматривал гостью. Он не видел, как та подошла к забору.

Потом повертел головой, выискивая ещё какого-то Лёшу, с которым поздоровалась Лиса. Что, они думают, им тут проходной двор, что ли? Деревня не резиновая! Давайте ещё Лёша из Баку здесь поселится, потом Гога из Еревана подтянется. Это что же такое здесь тогда будет?

— Это что же это такое, гражданочка? Чего это вы тут ходите? Меркель вам в родню, как говорили «Бурятские позы», — раздухарившись, Петух расщеперил оставшиеся перья.

— Какие ещё позы? — обомлела Лиса.

— Телевизор смотреть надо, — снисходительно процедил Петух.

— Да у нас в лесу сроду телевизоров не было. А в школе я уже не работаю, — Лиса начала приходить в себя. — А вам, юноша, следует быть поучтивее. Я, между прочим, к хозяевам пришла. По делу. Будьте любезны позвать мне Бабку, не знаю её имени-отчества.

— Дык мы тоже не знаем ни имени, ни отчества. Бабкой все её кличут. Только не могу я её сейчас позвать. Занята она.

— Чем же занята, позвольте полюбопытствовать?

— Ишь, любопытная какая! — Петух ощутил себя придворным вельможей при царской особе, потому, едва взглянув на просительницу, надменно проронил: — Деда воспитывает. И процесс это долгий. Так что если надо чего, говори мне, я передам. А сама уже убирайся отсюда по-хорошему. И Лёшу своего прихвати, а то, смотрю, всю траву уже вытоптали.

Лиса не стала уточнять, какого Лёшу видит Петух, передала ему вещи для Бабки и поспешила удалиться в лес.